

· · · · · Ä

ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Ксенофонт

Греческая история

**Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург
2000**

Ксенофонт (ок. 430—354 до н. э.) — знаменитейший древнегреческий историк и писатель, ученик Сократа. Получил прекрасное образование, приобрел большой политический и военный опыт. Убежденный противник афинской демократии, идеализировал спартанский государственный строй и монархические идеалы. «Греческая история» — одно из главных произведений Ксенофонта, охватывающее период с 411 года до битвы при Мантинее в 362 году, период становления и расцвета греческой государственности. Богатство фактического материала «Греческой истории» удачно совмещается с доступностью и ясностью изложения автора — непосредственного участника многих описываемых им событий.

Настоящее издание воспроизводит русский перевод С. Я. Лурье (Ленинград, 1935).

©Алстейя, 2000

Содержание

О Ксенофонте и его «Греческой истории»	4
Книга первая	43
Книга вторая	98
Книга третья.....	157
Книга четвертая	215
Книга пятая	294
Книга шестая.....	371
Книга седьмая	448
Приложение Отрывок из "Греческой истории", найденный в Оксиринхе в 1907 году.....	526
Комментарий.....	554
Введение	554
К Книге первой.....	566
К Книге второй.....	633
К Книге третьей.....	675
К Книге четвертой	731
К Книге пятой.....	768
К Книге шестой	816
К Книге седьмой	859
Приложение. Схемы сражений.....	888
Схема 1	888
Схема 2	889
Схема 3	890

О Ксенофонте и его «Греческой истории»

Один из замечательнейших авторов периода греческой классики, Ксенофонт Афинский, более чем какой-либо иной его современник беззащитен перед критическим взглядом потомков. Последовательный в привязанностях, всю жизнь остававшийся верным однажды избранным принципам, он выплеснул свою последовательность на страницы сочинений. В сочетании со стремлением к беспристрастной нравоучительности тона она создала идеальную мишень для обвинений в недобросовестности. Что уж говорить, если даже такие «мастодонты» исторической науки как Виламовиц, Гомперц, Мейер критически отзывались и о стиле Ксенофонта, и о его профессиональной честности. Нет, Ксенофонт не искажал события, но он мог умолчать о тех, что не слишком красили людей или государство, которым он симпатизировал. На рубеже веков (XIX и XX) тема Ксенофоновых «умолчаний» вообще была одной из самых популярных у историков античности. К настоящему моменту, правда, большинство из лакун за-

полнено, и «историческая справедливость» восстановлена.

Однако никакие умолчания, никакая ученая критика не делает Ксенофонта менее интересным писателем. И не только ясность, определенность стиля тому причиной. Последовательность, характерная и для исторических привязанностей, и для жизни Ксенофонта, позволила ему сделать повествование красочным, образы героев выпуклыми, а самое главное, создать ощущение трагичности пути, на который ступила Греция. В те годы только такой автор как Ксенофонт — лаконофил, монархист, получивший блестящее «афинское образование», мог почувствовать приближение пропасти, грозившей Элладе на рубеже эллинизма.

При чтении Ксенофонта нужно помнить, что стиль этого автора отличается от стиля его великих предшественников-историков. Он не восторженно-красочен, подобно Геродоту. В его тексте отсутствует сдержанная (до таинственности) глубина Фукидида. Он прост и трагичен. А это искупает какую бы то ни было «научную недобросовестность».

* * *

До сих пор нет единой точки зрения на дату рождения Ксенофонта. Одни утверждают, что он появился на свет в 445 г. до н.э., другие — около 430 г. до н.э. Нам более симпатична вторая точка зрения¹. Прежде всего сам автор «Греческой Истории» утверждает, что во время знаменитого «Анабасиса» (похода 13 тысяч наемников — см. ниже), то есть в 401 г. до н.э., он был «еще совсем молод». Едва ли мог сказать о себе такое муж 45 лет. Но даже не это является главным. Тон, каким написаны сочинения Ксенофонта, принадлежит человеку, для которого «Золотой Век» Афин (450–430 гг. до н.э.) лежит в безвозвратном прошлом. Если бы их автор родился за 15 лет до начала Пелопоннесской войны, то эпоха власти, процветания, довольства его отечества не могла бы не оказать влияния на его политические воззрения. Однако автор «Греческой Истории» — убежденный лаконофил; он не рассуждает о «Веке Перикла», его взгляд обращен в эпоху Агесилая, в героическое, но крайне тревожное настоящее.

---

¹ Аргументы а пользу первой точки зрения наиболее полно изложены в статье Э. Д. Фролова «Жизнь и деятельность Ксенофонта» — «Ученые записки ЛГУ» No 251, Ленинград, 1958.

Итак, Ксенофонт родился по-видимому в самом начале длительной и кровопролитной Пелопоннесской войны. Родился в богатой, аристократической семье, а потому получил прекрасное образование, венчавшееся общением с Сократом. На формирование его характера не могли не оказать влияние постоянные военные действия, происходившие на территории от Сицилии до Кипра, охватившие большинство греческих полисов и даже западные сатрапии Персидской державы. Правда, частые вторжения спартанских войск в Аттику чаще всего оборачивались простым опустошением полей, разрушением загородных домов: здравомыслящие афиняне не принимали вызова спартанцев, признавая за ними превосходство в сухопутном бою, в то время как их противники считали штурм афинских стен безумием. Главные события происходили на значительном удалении от Аттики. Во время первого десятилетия войны их ареной были Пилос (гавань на юго-западном побережье Пелопоннеса), Коринфский залив, Фракийское побережье Эгейского моря. После краткой передышки, дарованной Никиевым миром, центрами столкновений стали Сицилия, Эгейское побережье Малой Азии и Дар-

данеллы. Чтобы понять атмосферу, окружавшую юного Ксенофонта, нужно представить настороженное ожидание, в котором постоянно находились его соотечественники. Каждый корабль, входивший в афинский порт Пирей, мог принести известия о сражениях. И уже первые годы войны приучили афинян к тому, что им не стоит ждать исключительно победных реляций.

Когда ведут речь о Пелопоннесской войне, чаще всего ее трактуют как противостояние консервативной, аристократической Спарты «либеральным», демократическим Афинам. Согласно такой точке зрения, Лакония и Аттика, эти олицетворения двух тенденций, двух социальных укладов, сошлись в величественном столкновении, дублировавшемся внутри большинства греческих полисов. Война межгосударственная при этом приобретала облик войны гражданской: сторонники демократии во всех городах ориентировались на Афины, олигархии — на Спарту.

Как бы широко не был распространен такой взгляд на Пелопоннесскую войну, нужно признать, что он богат на натяжки. Основанием его служит преувеличение «социально-экономических» факторов в создании противобор-

ствующих групп. Чаще всего первоначальное подразделение на сторонников Афин или Лакедемона происходило не по признаку демократической незнатности — аристократической знатности. И уж тем более не по критерию бедности — богатства. «Демократическая» среда выдвигала порой таких богачей, что ни один из древних знатных родов не мог бы соперничать с ними. В разделении на лаконофилов и лаконофобов превалирующую роль играли отношения гостеприимства, родственные связи, связи внутри сообществ, посвященных в какие-то культы, внутри торговых союзов. Критерий знатности — незнатности выступал во вторую очередь, а иногда, по-видимому, так и оставался вторичным. Противопоставление аристократизм — демократия не совсем верно даже в отношении самих Спарты и Афин, ибо афинские аристократы (в подавляющем своем большинстве по крайней мере) почитали за долг сражаться против «классово близких» им фиванцев, или спартиатов. Однако дабы полнее понять истоки, природу и характер Пелопоннесской войны, мало уточнения стереотипа «демократия — аристократия». Для этого нужно вспомнить, когда возникло противостояние Афин Спарте.

Подобно многому в греческой истории, его породили Персидские войны. Еще в первой половине VI в. до н.э. Афины не были городом как таковым. Лишь при тиране Писистрате они начали приобретать облик, знакомый последующим поколениям. Но окончательно афинянин «встает на ноги» только когда сознает, что ногами этими должно стать морское могущество. Речь идет об эпохе Мильтиада, Фемистокла и Кимона, об эпохе Саламина, Микале и Эвримедонта — сражений, в которых афиняне утвердили право именовать себя первыми на море.

Афины поднимались на гребне войны против персов. Когда Спарта — традиционный гегемон общегреческого сообщества — отказалась от продолжения войны с персидским царем Ксерксом, инициативу взяли на себя Афины. Провозгласив целью освобождение малоазийских греков из-под власти варваров, они возглавили Делосский союз, созданный специально ради войны с Персом. При этом их союзники обычно лишь ограничивались внесением ежегодного налога на содержание участвующих в активных боевых операциях вооруженных сил, сами же вооруженные силы выставляли Афины.

Знаменитое торговое богатство Аттики сложилось в те же годы. Нельзя сказать, что до начала V в. до н.э. Афины имели интерес к морской торговле. Торговлю держали в руках другие города: Коринф, Мегара, Эгина, Милет. Аттика перед Персидскими войнами — преимущественно крестьянская страна. Тяжесть завоевания моря вынесли на своих плечах люди «с крепкими, мозолистыми руками?» — прирожденные земледельцы, лишь в силу необходимости ставшие мореходами. Но потоки добычи, контрибуций, соблазн захваченных торговых путей, наконец государственное покровительство — все это вызвало к жизни купечество. И вот вслед за боевыми триерами в порты Малой Азии, Кипра, Египта, Италии входят торговые корабли афинян. Торговые успехи в свою очередь требовали закрепления их военной силой. Одно подталкивало другое — и Делосский союз все более превращался в Афинскую военно-торговую державу.

Два поколения эллинов были свидетелями того, как она шла в гору. Идея освобождения «порабощенных» эллинов торжествовала. Успехи морского союза оказались столь разительны, что афиняне начинали вести себя на Балканах высо-

комерно. Это вызывало неоднократные военные столкновения — в первую очередь с Фивами и Спартой. Но, что удивительно, даже воюя «на два фронта» — с Царем персидским и с внутренними врагами, Афины умудрялись и там и здесь добиваться успехов.

Однако еще более поражает, как быстро они могли восстанавливаться после неудач. В конце 50-х годов V в. до н.э. почти две сотни афинских кораблей и несколько тысяч гоплитов оказались заперты в дельте Нила, где они пытались помочь восставшим против персов египтянам. О том, какие надежды возлагали Афины на это восстание, говорят доселе невиданные размеры экспедиционного корпуса. Тем тяжелее был удар, когда персы одержали полную победу. Афинское воинство так и не смогло выбраться из ловушки.

Казалось, персидская держава должна была перейти в решительное наступление. Но, как феникс из пепла, афинская мощь возродилась в течение года. А в 449 г. до н.э. близ Саламина на Кипре Царь был разбит окончательно. Последовавший за этим Каллиев мир стал вершиной торжества афинской политики на Востоке.

После того, как 445 г. до н.э. ознаменовался заключением тридцатилетнего перемирия со Спартой, Афины могли спокойно пользоваться плодами своих успехов. Попытки союзников покинуть Делосское сообщество решительно пресекались. На Фракийское, Малоазийское побережье, в южную Италию выводились афинские колонии. Великим военно-рекламным шоу стала морская экспедиция знаменитого вождя Афин Перикла в Понт Эвксинский (437 г. до н.э.). После 454 г. до н.э. казна Делосского союза хранилась в Афинах, и власти этого города получили над ней полный контроль. Если же учесть, что форо́с (налог на поддержание военных сил) платили более 200 городов, то можно представить, какие богатства оказались под рукой у афинских правителей.

На союзные деньги Перикл выстроил Длинные Стены, соединившие Афины с Пиреем. На союзные же деньги обустроивался Акрополь (храмы Девы-Афины, Бескрылой Победы, Эрехтея, знаменитый Парфенон). На те же деньги творил великий Фидий, устраивались пышные театральные празднества, для посещения которых неимущие ежегодно получали деньги. Именно в сороковые, тридцатые годы V в. до н.э. Афины

оказались способны реализовать одну из прерогатив «демократического» государства — они платили на жизнь тем гражданам, что не имели средств к существованию. Богатство Афин стало главной притягательной силой для «мудрецов» — софистов, съехавшихся в этот город со всей Эллады. И вот недавние крестьяне, потомки победителей при Марафоне внимали многомудрым речам «эллинских просветителей».

«Золотой век» считают вершиной в истории независимой Греции. Но при этом отчего-то забывают, что построен он был на плечах недавних союзников по борьбе с персами. Афинянин Геродот писал о свободе как о главном атрибуте эллинской жизни, а «союзники» его отечества были вынуждены давать клятвы вроде следующей: «Не восстану против афинского народа ни делом, ни помыслом, ни речью. Не буду повиноваться восставшему, если же кто-то восстанет, сообщу о нем афинянам. Буду платить форо́с по соглашению с афинянами... Буду защищать народ афинский, ежели нанесут ему обиду, и буду повиноваться Афинам».

Уже одно это должно было бы насторожить панегиристов и апологетов Периклова века. Как

известно, Фукидид и Ксенофонт: историки, благодаря сочинениям которых нам известен ход Пелопоннесской войны, сами были родом из Афин, но оба претерпели изгнание и оба же дали в своих трудах достаточно оснований для ответа на вопрос, отчего прекрасные просвещенные Афины пали в 404 г. до н.э., окруженные всеобщей ненавистью.

Главной причиной поражения Афин тот и другой считали чрезмерное высокомерие их родного города. У Фукидида вообще можно встретить указания на Провидение, воздававшее афинянам за их несправедливые действия по отношению к другим грекам. Но откуда рождалось это высокомерие, чьим результатом стало стремление большинства полисов посрамить Аттику, вскрыть гнойный нарыв, угрожающий автономии и автаркии Всеэллинского союза?

Для античного грека здесь все было понятно. Полноправный гражданин — это тот, кто имеет собственность, причем в первую очередь — земельную. Лишенный ее человек гол, случаен; он связан со своей общиной лишь происхождением. «Узы крови» сильны, но такому индивидууму нечего защищать, у него нет места в общем доме.

Наличие сакрального смысла у земельной собственности в древности подтверждается обычаем отбирать землю у нерадиво относящихся к ней, наказывать тех, кто проматывает отцовское (дедовское) состояние (вплоть до смертной казни).

В качестве такой традиционной земледельческой общины Афины начали путь к славе. Однако чем более они вовлекались в военно-торговые игры, тем меньшее количество людей было связано с землей. Нельзя сказать, что афиняне поголовно ринулись в торговлю и ремесло. Оба эти занятия имеют дело с «движимым» имуществом (а потому они не одобрялись традицией земледельческой общины) и около половины лиц, занятых здесь, являлись неполноправными гражданами («метеки» и др.). Преимущественная часть ушедших с земли начала получать деньги на военной службе. К 431 г. до н.э. Делосский союз был организован таким образом, что вооруженные силы имели одни Афины. Большинство союзников не обладали постоянной армией (за исключением патрульных судов и городской стражи), зато своим форосом они оплачивали содержание армии афинской. Один военный флот требовал множества людей. Будучи не в состоянии снабдить более чем две

сотни кораблей экипажем из собственных граждан, афиняне даже вербовали наемников. Своим, естественно, платили больше, чем чужим. Служба во флоте могла быть неплохим источником дохода. Если добавить к ней плату за общественные работы (строительство, ремонт зданий, прокладка дорог), ежегодные выдачи неимущим, «театральные деньги», плату за участие в государственных органах власти (прежде всего — судебных), то становится понятно, что афинский гражданин мог прожить и без земельного участка. «Социальное расслоение», о котором так часто говорят по отношению к Аттике V в. до н.э., только инициировалось государственной политикой, создававшей условия для появления значительного контингента люмпенов, не занятых постоянной работой, но обладающих полнотой государственных прав.

Люмпенство, рожденное внешне вполне благородной заботой государства о своих гражданах, люмпенство, основанное на форосе, выплачиваемом союзниками, стало тем началом внутри афинского полиса, что сделало его облик крайне непривлекательным для остальных эллинов. Разрушение древних традиций, а прежде всего традиции связи с землей (ее не спасало даже выведение

клерухий, составленных из малоимущих граждан, за пределы Аттики), бросалось в глаза столь явно, что Фукидид был вынужден оправдывать своих сограждан подвижностью их характера, всегдашним их стремлением к новому. Тот факт, что Афины являлись центром движения софистов, только подчеркивал для остальных греков безбожный, неблагочестивый характер афинян. Сами афиняне, конечно, преследовали «говоривших лишнее». Анаксагор, Протагор были отправлены в изгнание, скульптор Фидий кончил свои дни в тюрьме. Но даже эти истории не сделали Афины менее притягательными для Любомудрствующих. А они, вместе с просвещением, несли разрушение древнего этоса, несли моральный релятивизм, несли искусство беспринципного красноречия. На искус, преподносимый ими, среди афинян в то время имелось много заказчиков. Умение говорить красноречиво, убедительно для толпы стало едва ли не важнейшим достоинством государственных деятелей в условиях, когда решение тех или иных дел зависело от произвола люмпенов, составлявших большинство граждан, заполнявших агору.

Люмпенство выражалось не только во внутриполитическом произволе, но и в отношении к

иным городам. Высокомерие афинян рождено было непониманием того, что, чрезмерно возвышаясь над своими союзниками, они рубят сук, на котором сидят. Высокомерие появилось, когда отчет о реальном положении дел стал менее значим, чем крайне субъективные интерпретации его, услышанные на народном собрании. Вереница успехов привела к самоуверенности, избавиться от которой уже не давала люмпенская масса. По некоторым подсчетам она составляла около трети всего гражданского населения Афинского государства и к тому же постоянно находилась «под рукой» у городских магистратов, ибо основным ее занятием было не попечение о своем имуществе, а вечная обеспокоенность делами государственными. Пока у рычагов власти в Афинах стоял великий Перикл (443–429 гг. до н.э.), политика еще находилась хоть в каких-то рамках здравости. После его смерти Афины стали подобны упряжке, потерявшей управление. С каждым годом власть над их союзниками оказывалось все более тягостной, требовательной. И те покидали капризного гегемона: не потому, что Афины были демократичны, а потому, что они были тираничны.

Таким образом, Пелопоннесская война — не только соперничество демократического — тиранического, нового — старого. По крайней мере для самих эллинов это было борьбой традиционного принципа автономии и автаркии против мегаполиса, пытавшегося первенствовать в общегреческом масштабе. Мегаполиса, в образе жизни которого слишком много было паразитического.

* * *

Когда бы ни родился Ксенофонт, впечатление от вечной настороженности, вызванной военными действиями, не могло не дополняться ощущением политической неустойчивости. «Разброд и шатание» охватили афинское общество уже в начале Пелопоннесской войны. К 425 г. до н.э. демагогическое начало во внутренней политике Афин преобладало настолько, что еще удивительно, как Делосский союз так долго сопротивлялся многочисленным противникам.

На глазах Ксенофонта рушились основы могущества его родного города. Один за другим отпадали союзники, афинский флот терпел